

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – родилась и живёт на Орловщине. Автор 13 книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России с 2009 года. Председатель Творческого совета по защите родной природы при Правлении СПР. Руководитель поэтической студии «Слово» и Областного клуба творческой интеллигенции «Светлица». Публиковалась в журналах: «Наши современники», «Берега», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Простор», «Немига» и мн. др. Лауреат ряда международных и всероссийских литературных премий.

Я ИЗ ТУТОШНИХ МЕСТ

Я из тутошних мест, где полыньи ветра,
где сугробы по пояс к Николе.

Я – берёзовой роще родная сестра
и корнями выросла в это поле.

Как зарделся калиной морозный закат!
Зазвонили к вечеру так ладно,
что посыпался иней с крестов и оград,
донесло от стогов запах мяты.

Потянулись из труб золотые столбы,
Заморгали сквозь темень оконца.
Здесь подачек особых не ждут от судьбы,
здесь встают с петухами, до солнца.

И голосят в причёты порой от тоски,
коли вовсе душа «занемогла».
А бывает, поют всё от той же тоски
задушевым прабабкиным слогом.

Да, за хлебом – пять вёрст,
да, в метель не с руки...
Но зато недалече до Бога.

* * *

О Родина!
Штапельный ветер,
и простенький ситчик небес,
и всклень, под завяз, в первоцветах
пропахший медушником лес.

Без памяти, до исступленья
мир Божий всё крепче люблю:
и отчее это селенье,
и церкву на дальнем краю,

погост за оградой древний,
и пожню, что скрыл березняк,
и в грае грачином деревья,
и старый бескрылый ветряк,

и глинистый этот просёлок,
что помнит прапращура след,
что мне столько лет, даже в морок,
лучит негасимый свой свет.

* * *

Цикадами ночь стрекотала в анисовых ситцах,
пыльцою подлунной кропила цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это вовсе не снится,
от поступи чьей-то скрипели в доме половицы,
и глаз не смыкал Чудотворец в старинном окладе.

Черствеет душа, остывает в разлуке с природой...
Моя ль в том вина или век наш, бездушный, повинен?
Не хожены стёжки – и в сердце скулит непогода.
И саднит печаль, став мучительной раной за годы –
совсем истончилась сакральная связь-пуповина.

Опять закипают в родимых долинах анисы,
к полудню завит палисадник златой повителью,
над поймой двух радуг цветастых легли коромысла,
в берёзовых кронах умытое солнце повисло
опять без меня... Без меня здесь рождались, старели...

А ночь напролёт от любви изнывали цикады,
и спать – хоть убей! – не давали в доме половицы.
И я! Это я! Приглядишь: вдоль вишневого сада
чуть свет, по заре, даже росы ещё не обмяты,
в косынке белёсой иду за водой на криницу.

* * *

Заря вознеслась, и над полем,
над лугом, где мчит грузовик,
над горсткой берёз белоствольных –
снопы золотых повилик.
Плотицей блеснула под кручей
упавшая в полночь звезда,
жемчужною росною тучей
вдоль поймы легла резеда.
Плеснулась широкою песней
черёмухи майская цветь.
Лучат голубые пролески
очей милой матушки свет.

...Нарядной скатёркой столешню
накроют для жданных гостей,
поκληчут соседей поспешно
наслушаться свежих вестей.
Пожарят на сале яишню,
блинов от души напекут,
бутылочку свойской отыщут,
в саду самовар заведут.
Хмельные потом под окошком
от счастья затеют опять
плясать и вовсю под гармошку
частушки до свету страдать.

Душа воссияет от лада,
Прошепчет, случись, на краю:
«О Русь, драгоценная Лада!
Не верю в погибель твою!»
Не верю в надрыв твой сердечный,
и в незаживление ран,
и в русский авось, наш беспечный,
в дырявый извечно карман,
покуда в селении нашем, –
я знаю: врагам не с руки, –
всем миром и сеют и пляшут
родные мои земляки.

* * *

То щенком заскулит,
то по-бабьи заплачет с причётами,
то насупится,
то просветлеет пронзительной просинью
с воробьями в сиренях,
в ольховниках стылых с чечётками
провожает усталый ноябрь
дни последние осени.

Позови – ни души на сто вёрст,
лишь ветра перемётные,

лишь сосняк вдоль дорог
против шерсти на славу причёсанный,
лишь татарник больной,
повиликой по горло замотанный,
да сенные стога
друг за дружкой – речными покосами.

Да всё чаще из горних садов
над продрогшими хатами,
над полями сквозными,
смурными остывшими плёсами,
над околицей зябкой,
куделью полыней косматою
ниспадают снега
то пыльцою, то дивными розами.

* * *

Полымем донник. Табун у мостков.
Вёдро. Над хутором небо с Николы
треплется синим, линиялым платком, –
словно забыл его кто-то на кольях.

Шлёпает полдень в ракичках вальком –
камушком плёхает эхо вдоль речки.

Кадки в затоне. От них чесноком
тянет и духом густым огуречным.

Там, присмотрись, златошвей-стрижи
солнца кудель размотали на нити.
Плёт, словно в пальцах, в кувшинках лежит –
жмурками бликами вышитый ситец.

Вёдро. Просёлок змеит бережком.

Лютики в пыль осыпают веснушки.

Помнится, ехал возок из лесков...
Детство струилось беспечной рекой...
В сене – не я ль? – загорелой рукой
пригоршей ела малину из кружки?

* * *

Ну, наконец! Из горних закровов,
прорвав сермяжные заштопки и заплатки,
струится новь на заспанность домов,
на немоту полей, на деревьев кудлатье.

И утерпежу нет! Скорей на свет!
Душа неотвратимо рвётся в эту замять.
Туда, где догорает бересклет,
где чернотроп усеян снежными цветами.

Склонясь к груди простуженных долин,
врачует раны и хворобы первоснежье.
А шар земной, заблудший исполин,
летиит...
летит, уже не чуя меток бережных.

Росную каплю
обронит былинка –
сонно аукнет
в лугах тишина...
С этого взгорья,
от церкви старинной,
как на ладони,
округа видна.
Ветер над полем
расперится птицей –
рожь загуляет
молочной волной.
Не перестанут
довеку мне сниться
эти безбрежный простор
и покой.
Разве не праздник,
не радостно сердцу –
житное поле
во весь горизонт?
Не надыхаться
и не насмотреться,
хочешь не хочешь –
душа запоёт.
Этот просёлок,
что вышел навстречу,
помнит в пыли
босоногий мой след...
Жмуркие окна
моей восьмилетки
не погасили
доньне свой свет...
Что ж бы не жить-то
на этом приволье?
Ждать к сентябрю
на столе новины,
рощи стозвонной
любить белостволье,
с хрустом рубить
к Покрову кочаны...

«Сколько вас, тех,
что искали, где краше, –
мочи не стало
у поля молчать, –
как погляжу-то,
обличием наша...
Только не помню вот:
чья же ты?..
Чья?..»

Как столбы в теремах, подпирают дымы золотые
небосвод – Божьим промыслом вновь затепляется день.
Обгоняя меня, мимо церкви, ракуток погоста
по белёным холстам санный след полетел на зарю.
А с крестов вещей птиц отряхает задумчивый иней...
Не печалься, душа, – нам с тобою торить ещё путь.
Холода на дворе... Мы же столько ещё не согрели,
не додумали дум, не сказали в глаза о любви!
И не ты ли сама привязала меня к этим людям,
к этим роцам с колючей куделью сосновых вершин?
Научила читать, как в скрижалях, по здешним погодам
и свою, и земли этой древней, сакральной судьбу?

* * *

Просёлок. Татарник. Табун за околицей.
И спелой клубникой пропахший угор.
В травнице по плечи – берёз белостволица.
Крылатая воля! Безбрежный простор!
И вроде давно я тоску пересилила –
бывала судьба и со мною щедра.
Но манят и кличут омытые ливнями,
спалённые солнцем родные ветра!

* * *

Ах, с этим буйством нету слада –
июльских мальв дремучий бор!
Шмелям пресыщенным отрада
их разномастный коленкор.
В них, пересыпанных цветами,
весь мир заполонив собой,
взахлёб – о чём, не помнят сами! –
цикады гомонят гурьбой.
Замрут, как дети, от испуга,
когда с корзинкою в руке
я пролечу вдоль стёжки вьюгой,
следы оставив на песке.
И там, за маревом в долине,
исчезну в сонме диких трав,
в терлич-траве, в степной полыни,
собрал в охапку сон и явь.
...Сакральность солнечного света,
волхующего сквозь плетень,
янтарность яровых ранеток
в тазу, кипящем на плите,
сдуревший от восторга пивень,
разголосивший близь и даль,
и ахнувший сквозь солнце ливень,
что мальвы окунул в сусаль...
Посмотришь в радостные выси,
и в десять беззаботных лет
вдруг сердце заискрится мыслью:
конца и края счастью нет!